

— Отдел „Тихий ужас“ —

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о двенадцати свидетелях

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о двенадцати свидетелях / С. В. Диковинный — «Автор»,
2026

Тихогорск — город тихий. Город, в котором нечисть живёт по соседству, платит налоги, ходит в магазин и старается сильно не высовываться. За порядок в этой невидимой половине города отвечает отдел номер семь, которые двенадцать дел подряд распутывали чужие судьбы. А теперь кто-то начал распутывать их. Всего за неделю обокрали четыре «нечистых» предприятия — аптеку ведьмы, нотариат дракона, пункт донорства вампира и лесхоз лешего. Каждая кража — «невозможная»: никто не входил, никто не выходил, ничего не пропало, но всё изменилось. Двенадцать свидетелей. Двенадцать показаний. Двенадцать оговорок. Отдел номер семь распутывает это дело, идёт по следу — и находит того, кого не искал. Отставной следователь обычного отдела по фамилии Веретенников. Человек, который двадцать лет пытался доказать, что нечисть существует. Двадцать лет подавал рапорты, собирал материалы, писал статьи. Двадцать лет его увольняли. А потом — уволили окончательно.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Тот, кто не поверил	5
Глава 1. Четыре кражи, невозможные	7
Глава 2. Двенадцать свидетелей	10
Глава 3. Особый метод	13
Глава 4. Комната без окон	16
Глава 5. Сдача	20
ЭПИЛОГ. Двенадцатый свидетель	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Диковинный

Дело о двенадцати свидетелях

ПРОЛОГ. Тот, кто не поверил

За тридцать лет до этого в Тихогорске работал следователь городской прокуратуры Аркадий Ильич Веретенников.

Он был молодой. Двадцать восемь. Только из института. Только что женился. Снимал квартиру на Заводской, ходил на работу пешком, читал по вечерам, писал в стол заметки о необъяснимом. У него была одна странность: он видел. Не так, как видят экстрасенсы. А так, как видят люди, которые долго смотрят: он замечал несоответствия.

Женщина выходит из подъезда в семь утра — и от неё не пахнет утренней сонностью, а пахнет мокрым песком. Мужчина стоит на остановке — а тень у него падает не туда. Дом на углу стоит сорок лет — а по документам его снесли в шестидесятом. Таких мелочей он собирал сотни. Он начал их записывать. Он начал их складывать. Он написал первый рапорт в пятьдесят девятом году.

Его попросили уточнить.

Он уточнил.

Его попросили не выдумывать.

Он сказал, что не выдумывает.

Его перевели в архив.

Он написал статью в областную газету.

Статью не напечатали.

Он написал книгу.

Книгу не издали.

Он написал ещё одну.

Её тоже не издали.

Он стал собирать доказательства. Домовые, русалки, лешие, зеркала, тиражи, мельницы. Он ездил по области. Он снимал на плёнку. Он снимал на кассеты. Он собирал показания. Он написал двенадцать рапортов за тридцать лет.

Ни один не дошёл.

Ни один не был прочитан.

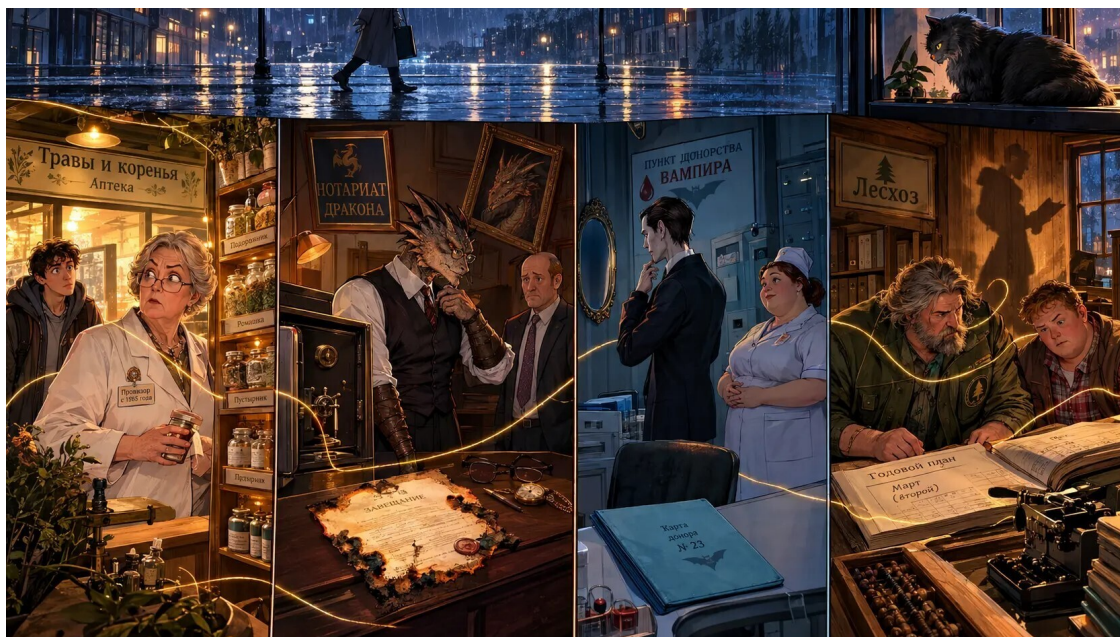
В девяносто третьем году — в тот самый год, когда в Тихогорске произошёл случай на Заводской, 7 — его уволили окончательно. По сокращению штатов. Он вышел из здания прокуратуры на улицу с картонной коробкой. В коробке были: три ручки, две папки, одна фотография жены, один бутерброд и особая тетрадь. В тетради — все его рапорты. Все его наблюдения. Все его доказательства. Он держал эту тетрадь в руках и думал: «Значит, их нет».

Он очень долго думал эту мысль.

Тридцать лет.

А потом перестал.

Глава 1. Четыре кражи, невозможные

В понедельник Орлов пришёл на работу раньше всех.

Он всегда приходил раньше всех. Это была его привычка: прийти, выпить чаю, посмотреть в окно, разложить бумаги по столу, поставить чашку на нужное место. Он любил начинать день с порядка.

В это утро порядок начал ломаться.

Первый звонок был из аптеки «Травы и корни» на Почтовой, 4. Аптекой владела ведьма Марьяна Игнатьевна, женщина шестидесяти лет, со значком «Провизор с 1985 года». Она позвонила в семь. Она сказала ровно:

— У меня перепутались травы.

— Какие травы?

— Все. Все банки на всех полках стоят на других местах. Ничего не пропало. Но я не могу работать. У меня двенадцать лет система. Двенадцать лет всё стояло вот так. Сегодня — иначе.

— Когда это случилось?

— Сегодня ночью.

— Как вы узнали?

— По запаху, — сказала Марьяна Игнатьевна. — Запах с утра другой. Дверь заперта. Окно заперто. Сигнализация не сработала. Никого не было.

Орлов записал адрес. Положил трубку.

Второй звонок был из нотариата дракона Аристарха Гекторовича Крылова. Дракон звонил сам. Он говорил ровно, спокойно, в его голосе не было паники, но было что-то новое — то, что Орлов у драконов слышал редко. Недоумение.

— Александр Иванович.

— Да.

— У меня сгорел один лист.

— Что за лист?

— Завещание. Одно. Вчера подписанное. Клиент — господин Лебедев, возраст — девяносто один год. Я лично поставил подпись. Сегодня утром — лист сгорел. В сейфе. Сейф заперт. Дверь кабинета заперта. Сейф не тронут. Огонь был изнутри.

— Изнутри?

— С обратной стороны листа. Я это вижу. Прогорело аккуратно. По контуру текста. Не снаружи.

Пауза.

— Ещё что-нибудь?

— Ещё одна мелочь. — Дракон помолчал. — У меня в кабинете висит портрет основателя. Это моя привычка. Портрет висел сорок лет. Сегодня он висит криво. Я не переставлял.

— Едем, — сказал Орлов.

Третий звонок был из пункта донорства вампира Виталия Генриховича Кровельщикова на Сакко, 11. Виталий Генрихович говорил тихо, вежливо, как всегда, но говорил нервно:

— У меня аннулировалась карта.

— Какая?

— Донора. Одна. Номер двадцать три. Я вёл её с две тысячи второго. Сегодня утром — карта пуста. Все записи исчезли. Листы — чистые. Подпись моя — стоит. Данные — исчезли. Прибор не использовался. Я это проверяю каждое утро.

— Дверь?

— Заперта. Окно заперто. Сигнализация не сработала.

— Ещё что?

— Ещё — зеркало. У меня на входа висело маленькое зеркало. Для проверки. Теперь в нём я не отражаюсь. — Пауза. — Я вампир. Я всегда отражался. Теперь нет.

— Понял, — сказал Орлов.

Четвёртый звонок был из лесхоза лешего Тимофея Григорьевича Дубровина — не путать с котом. Леший звонил по факсу. Он всегда звонил по факсу, потому что телефон у него не работал. Факс лежал на столе Орлова: один абзац, набранный на печатной машинке.

«Пропал апрель. Прошлый год — весна. Доступ к годовому плану утрачен. Не знаю, кто. Не знаю, зачем. Остальное всё на месте. Т. Г. Дубровин.»

Орлов прочитал это три раза.

Он поднял глаза.

Муромцев лежал на диване. Дроздов смотрел в телефон. Кулибин паял. Синичкина что-то писала. Дракон ещё не пришёл. Громобоев стоял в дверях.

Громобоев молчал.

Это было странно. Полковник всегда отпускал одно из своих «это баловство» или «показуха», или «всё это ерунда». Сегодня он молчал. Не потому что не хотел говорить. Потому что слушал.

Орлов это заметил.

Он ничего не сказал.

— Четыре кражи, — сказал он. — Три — этой ночью. Одна — сегодня. Все — «невозможные». Ничего не пропало. Всё изменилось.

— Это одно дело, — сказал дракон, входя в кабинет. — Не четыре.

— Почему?

— Потому что все четыре сделаны одной рукой. — Дракон сел. — Я читал заявку вашему Громобоеву. В ней было слово. Полковник это слово заметил. Я — тоже.

— Какое слово?

Дракон посмотрел на Громобоева.

Громобоев не пошевелился.

— «Свидетели», — сказал дракон. — Каждая кража имеет свидетеля. У каждой — один. Один человек, который видел. Не как участник — как наблюдатель. У Марьяны Игнатьевны — её племянник. У меня — мой секретарь. У Виталия Генриховича — медсестра. У лешего — сын. Все четыре свидетеля — вызваны в отдел. Все четыре — сегодня. К двенадцати.

Орлов посмотрел на часы.

Было десять сорок пять.

— Все четыре, — сказал он.

— Все четыре, — подтвердил дракон. — Он их зовёт к нам. Это не кража. Это приглашение.

Пауза.

— Кому?

— Нам, — сказал дракон.

Тимофей в этот момент сидел на подоконнике. Он не смотрел в окно. Он не смотрел на Орлова. Он смотрел на папку в руке Громобоева.

Тонкая. Потрёпанная. С тесёмками.

Он смотрел долго.

Глава 2. Двенадцать свидетелей

Первым пришёл племянник Марьяны Игнатьевны. Его звали Антон. Двадцать два года. Студент. Худой и какой-то ломкий, как будто его сложили чуть неправильно. Он вошёл боком, сел на крайний стул, положил руки на колени и стал ждать, будто его вызвали в деканат.

Синичкина с ним говорила. Она с ним говорила очень мягко — как всегда в последние недели, с тем самым «новым пучком» в голосе.

— Антон, расскажите, как вы узнали, что что-то не так.

— По тёте. Тётя утром вошла и села. Она всегда что-то делает. Она не сидит. Она села.

— Как вы узнали, что травы перепутались?

— Я зашёл в подсобку. Там был свет. Не на потолке. И не лампой. Просто свет. Тёплый. Как у бабушки в деревне. Он был как будто кто-то стоял. Я замер. Я не испугался. Я замер. Свет погас. Я остался один.

— Вы видели кого-нибудь?

— Нет. Просто свет.

— Что потом?

— Потом я посмотрел на полки. Полки стояли иначе. Там, где стоял подорожник, стояла ромашка. Там, где стояла ромашка, стоял пустырник. Всё сдвинулось на одну. На одну полку вправо.

Синичкина записала.

Вторым пришёл секретарь дракона — Игорь Петрович Ланской. Пятидесяти лет. Лысый. В галстук. Он говорил, как говорят люди, которые очень давно работают в правильных местах: гладко, ровно, чуть изнутри.

— Я пришёл в девять. Сейф был закрыт. Я открыл сейф — по протоколу, в присутствии господина Крылова. Мы увидели лист. Лист лежал не в папке. Лист лежал отдельно. Он был сгоревшим. Только не по краям. По середине.

— Как это — по середине?

— Сгорела одна фраза. — Игорь Петрович сказал это ровно. — Фраза: *«Всё моё движимое и недвижимое имущество я завещаю в пользу города Тихогорска»*.

— Вы её читали?

— Я её знаю. Я её печатал. Я эту фразу печатал в этом нотариате одиннадцать раз. Каждый раз: «в пользу города Тихогорска». Господин Крылов любит город.

— А кто её читал?

— Никто. Лист был закрыт в сейфе с момента подписания.

— А портрет?

— Портрет я заметил сразу. Он висит криво. На два градуса. Я проверял по уровню.

Третьей пришла медсестра пункта донорства. Её звали Валентина Сергеевна. Сорок два года. Полная, спокойная, глаза тёплые, руки — с привычкой складывать их на животе.

— У меня карты в шкафу. Все в порядке. Номер двадцать три — всегда вторая сверху. Утром открываю — вторая сверху пустая. Совсем. Ни записи, ни штампа. Даже обложка другая.

— Что, простите, «другая»?

— Обложка. — Валентина Сергеевна помолчала. — Была голубая. Стала другая. Голубая, но другая. Как будто её кто-то переставил в другую голубизну. Я понимаю, как это звучит. Но это так.

Синичкина записала. Дроздов повёл бровью.

— А зеркало?

— Зеркало в прихожей. Оно у нас висит у входа, на проверку. В нём Виталий Генрихович всегда отражался. Он — вампир. Он умеет отражаться, если зеркало ему своё. Это не зеркало, это свойство. Утром — не отразился.

— Как вы это узнали?

— Я ему об этом сказала. Он подошёл. Он посмотрел. Он не увидел себя. Он мне сказал: «Валентина Сергеевна, я в нём не отражаюсь». И он не испугался. Он сказал это, как говорят «на улице дождь».

Четвёртым пришёл сын лешего — Дубровин-младший, которого все звали просто Дуб. Двадцать шесть лет. Здоровый, румяный, ходил вразвалку. Сел так, что стул под ним треснул.

— Апрель, — сказал он ровно. — Пропал.

— В каком смысле?

— В прямом. Годовой план. В папке. Все месяцы на месте. Один месяц — не тот. Вместо апреля — второй март.

— Как это?

— Я не знаю как. — Дуб пожал плечами. — Просто не тот. Приписки — наши. Подписи — наши. Апрель — чужой.

— А свидетели?

— Я был в конторе. Я пришёл утром. Всё на месте. Я открыл папку. Я увидел. Я закрыл папку. Я сказал отцу. Отец сказал: «звони». Я позвонил.

— Ты видел что-нибудь ещё?

— Видел. — Дуб помолчал. — Я видел тень. На стене конторы. Тень не от папы, не от меня, не от шкафа. Тень стояла, как будто читала папку. Потом пропала.

Синичкина закрыла блокнот.

Четыре свидетеля.

Четыре показания.

Четыре оговорки.

Орлов собрал все четыре протокола в одну папку. Он посмотрел на папку. Потом сказал:

— Свидетелей было не четыре.

— Сколько? — спросил Дроздов.

— Двенадцать. — Орлов поднял глаза. — Четыре — по одной на объект. Плюс четыре — вспомогательных. Плюс четыре — те, о которых никто не сказал вслух.

— Какие четыре?

— Те, что были в той же комнате. Те, что видели свет, но не сказали. Племянник видел свет. Секретарь слышал шаги. Медсестра видела, как зеркало дрогнуло. Дуб — как тень шевельнулась. Никто из них не сказал эти четыре детали первыми. Они их сказали в конце. По отдельности. Эти четыре детали складываются.

Он изложил листки на столе. Один за другим.

На каждом было по одной строчке:

«Свет». «Шаги». «Дрожь». «Шевеление».

Орлов сложил их вместе — и они совпали. Одна и та же фигура.

Он посмотрел на дракона.

— Аристарх Гекторович.

— Да.

— Что это за фигура?

Дракон помолчал.

Он снял пенсне. Протёр. Надел.

И сказал:

— Это обычный человек. В плаще. С портфелем. Ходит тихо. Видит всё. Ничего не берёт. Только сдвигает.

— Профессия?

— Следователь, — сказал дракон.

Громобоев в дверях — впервые за всю главу — сделал движение. Медленное. Как человек, который поправил папку под рукой.

Никто этого не заметил.

Кроме кота.

Глава 3. Особый метод

К вечеру Орлов знал о преступнике почти всё.

Он не знал имя. Не знал адрес. Не знал лицо. Но он знал метод. Он собирал этот метод по крупицам — из четырёх протоколов, из четырёх оговорок, из четырёх мелочей, которые никто, кроме следователя, не сложил бы.

Метод был его методом.

Он сам работал так двадцать лет. Сбирал, сопоставлял, строил картину из мелочей, не верил в главное, верил в детали. Он сам учил этому Муромцева. Он сам это повторял Синичкиной. Он сам писал это в рапортах Громобоеву. Это был его почерк. И теперь этот почерк был в преступлении.

Он поднял старые дела отдела. Все двенадцать. Он нашёл совпадение.

Все двенадцать дел — каждое — имели одну и ту же мелочь. Небольшую. Не бросающуюся в глаза. В каждом из двенадцати дел был один следовательский рапорт, поданный не отделом. Поданный со стороны. Из обычного отдела. Изобычной прокуратуры. С 1959 года по 1993.

Он отнёс эти рапорты Громобоеву.

Громобоев сидел за своим столом. Форма была, как всегда, тесна в плечах. Лоб был влажный. Лицо — красноватое.

Он посмотрел на рапорты. Он их не открыл.

Он сказал ровно одно:

— Положите. На угол.

Орлов положил.

— Я их видел, — сказал Громобоев.

— Когда?

— Когда вы пришли на первое дело. Про русалку. Я их уже видел. Тогда.

Пауза.

— И что?

— И ждал, — сказал Громобоев.

— Кого ждали?

— Вас, — сказал Громобоев просто.

Он открыл ящик стола. Вынул папку. Тонкую. Потрёпанную. С тесёмками. Ту самую.

Он положил её на стол.

— Тут всё, — сказал он. — Все двенадцать рапортов. Все разборки. Все увольнения. Всё. Я собирал это тридцать лет. По крупницам. Из чужих отделов. Из чужих архивов. Я знал: однажды придёт. Я знал, что он вернётся.

— Вы знали, кто это.

— Знал.

— И не сказали.

— Не сказал, — сказал Громобоев спокойно. — Потому что, пока я бы его взял сам, он бы не сдался. А когда бы взял ты — сдался бы.

Орлов молчал.

Громобоев тоже молчал.

Потом сказал:

— Ты только не думай, что я его жалею. Я его не жалею. Я его понимаю. Это разные вещи.

Орлов взял папку и открыл её.

Первый лист — рапорт от пятого февраля 1959 года. Подпись: «А. И. Веретенников, следователь прокуратуры г. Тихогорска».

Орлов прочитал.

Это был рапорт о домовом на Пожарной, 11. В нём было всё: дом, окна, свет, человек в ватнике, который «в семь вечера сидит на крыльце с керосиновой лампой». Рапорт был точный. Он был сухой. Он был написан тем же языком, каким Орлов писал свои.

Он пролистал дальше.

Второй рапорт — про русалку у реки, 1964 год. Третий — про ферму на объездной, 1968. Четвёртый — про мельницу, 1974. Пятый — про швейную артель, 1979. Шестой — про аптеку, 1984. Седьмой — про нотариат, 1987. Восьмой — про пункт донорства, 1990. Девятый — про лесхоз, 1991. Десятый — про типографию, 1993. Одиннадцатый — про трамвайное депо, 1993. Двенадцатый — без даты.

Одиннадцать совпадений.

Один пропуск.

Орлов посмотрел на последний.

Он был короткий. Один абзац. Рукописный, чёрной ручкой, тем же почерком.

«Рапорт о необъяснимом. Меня уволили. Меня никто не услышал. Я больше не буду писать рапорты. Я буду сдвигать.»

Орлов отложил папку.

Он поднял глаза.

— Он не крал, — сказал он. — Он сдвигал. Он сдвинул травы. Он сдвинул лист. Он сдвинул карту. Он сдвинул месяц. Он снял отражение у вампира. Он криво повесил портрет. Всё это — одна рука. Одна обида. Ничего не украдено. Всё отодвинуто.

— Зачем?

— Чтобы нас заметили, — сказал Орлов. — Он просит встречи. Он говорит с нами единственным способом, который знает. Через детали. Как следователь — следователю.

— И что теперь? — спросил дракон.

— Теперь мы идём на встречу, — сказал Орлов. — Он её назначил. С самого начала. Мы только не поняли.

Он встал. Он взял папку. Он пошёл к двери.

У двери остановился.

Он обернулся к Громобоеву.

— Полковник.

— Да.

— Спасибо.

Громобоев ничего не сказал. Он посмотрел на Орлова. Долго. Спокойно.

Потом сказал:

— Возьми Синичкину.

— Зачем?

— Затем, что у тебя рука тяжёлая, а у неё — лёгкая. Тебе — говорить. Ей — слушать. Вместе у вас — обе руки.

Орлов кивнул.

Глава 4. Комната без окон

Адрес нашёлся в архивном листе.

Веретенников жил на Заводской, 42 — в старом доме, довоенной постройки, на четвёртом этаже. Квартира была его. Он получил её в восемьдесят седьмом, когда работал в прокуратуре. С тех пор не менял. Он жил один.

Орлов приехал с Синичкиной.

Было восемь вечера. Шёл дождь. Дом стоял тёмный. Только в одном окне на четвёртом этаже горел свет — жёлтый, ровный, спокойный.

Они поднялись.

Дверь была не заперта, и Орлов толкнул её. Она открылась.

Внутри было чисто. Не богато. Не бедно. Чисто. Одна комната. Комната была обставлена так, как обставляют кабинеты, а не жильё. Стол. Лампа. Стул. Полка. На полке — книги. Одиннадцать папок. Такие же папки. Тонкие. Потрёпанные. С тесёмками.

На столе — раскрытая тетрадь. Чёрная ручка. Чашка чая. Остывшая. Вторая чашка — пустая. Приготовленная.

Он их ждал.

Напротив стола стоял человек.

Ему было шестьдесят девять. Худой. Седой. Прямой, как линейка. В сером пальто — не снятом. В серых брюках. В серых ботинках. У него было лицо человека, который очень долго молчал. Спокойное. Усталое. Почти доброе.

— Садитесь.

Орлов сел.

Синичкина села рядом.

— Чаю?

— Да, — сказал Орлов.

Веретенников налил чай. В две чашки. Одну дал Орлову. Одну — Синичкиной. Свою оставил.

Он сел напротив.

— Вы пришли за мной.

— Да, — сказал Орлов.

— Я вас ждал.

— Я знаю.

— Вы пришли с папкой.

— Да.

— Это моя папка.

— Это его папка, — сказал Орлов. — Полковника.

Веретенников долго смотрел на папку. Он не взял её просто смотрел.

— Он её собирал тридцать лет.

— Да.

— И ни разу не сказал.

— Не сказал.

— Почему?

Орлов помолчал.

— Потому что он знал, что если он сам вас возьмёт — вы не сдадитесь. А если возьму я — сдадитесь.

Веретенников посмотрел на него.

— Значит, вы — Орлов.

— Да.

— Слышал о вас. В девяносто восьмом. Вы тогда работали в четвёртом отделе. Спасли мальчика в подъезде. Это было тогда же, когда я перестал писать рапорты.

— Я помню этот случай, — сказал Орлов.

— Вы помните мальчика. Я помню подъезд. У подъезда было что-то. Не знаю что. Я писал рапорт. Меня спросили: «Где ваши доказательства». У меня были свидетели. Двенадцать. По одному на каждый этаж. Ни один не согласился говорить.

Веретенников сказал:

— А вы знаете, Александр Иванович, сколько у вас свидетелей? По всем делам. За сезон. Наберётся?

— Не знаю, — сказал Орлов.

— Я вам скажу. Двенадцать. Тех, что говорили. Двенадцать. Тех, что молчали. И где-то — третьи двенадцать. Тех, что не поверили. Всё, как у меня. Только у меня никого не было. У вас есть вы.

Синичкина поставила чашку и сказала:

— Аркадий Ильич.

— Да.

— Расскажите, как вы это делали.

Он посмотрел на неё.

— Я не делал ничего особенного. Я заходил. Я видел. Я сдвигал. Я делал то, что делал тридцать лет: замечал несоответствия и доводил их до предела. Я не крал. Я правил. Как редактор.

— Кто вас научил?

— Никто. — Он пожал плечами. — Я сам. Я каждый рапорт писал руками. Я каждое дело вёл глазами. Я знаю, как работает Тихогорск. Он работает на противоречиях. Он держится не на домах, а на непрерывности. Убери непрерывность — и дом осыпется. Трава — перепутается. Лист — сгорит. Месяц — исчезнет. Это всё одно и то же. Я тридцать лет учился это делать. И я это сделал.

— Зачем?

Веретенников молчал. Он смотрел в чашку. Потом сказал:

— Затем, что эти тридцать лет меня никто не слушал. Я писал рапорты. Их рвали. Я писал книги. Их не читали. Я собирал доказательства. Их клали в шкаф. Я стучал. Меня не открывали. Всё, что я умею, — это сдвигать. Я сдвинул — и меня услышали. Только не так, как я хотел. Слышите сейчас: вы пришли. В восемь вечера. С папкой. С следователем. Вы. Вы пришли за мной. Значит, я достучался.

Орлов тихо произнёс.

— Вы не достучались, но вы стучались в не ту дверь.

Веретенников поднял голову.

— Что?

— Вы стучали в обычный отдел. Тридцать лет. Вас не слышали. Правильно — вас не слышали. Обычные отделы не для этого. Вы стучали в обычный отдел, потому что думали, что это отдел, который вам нужен. А вам нужен был другой. Тот, который существует. Тот, который занимается именно этим. Тот, который не рвёт рапорты. Тот, в котором ваш рапорт от пятьдесят девятого о домовом на Пожарной уже лежит. В шкафу. Тридцать лет. И никто его не рвал.

Веретенников замер.

— Лжёте, — сказал он.

— Нет.

— Если бы он у вас лежал, вы бы пришли тогда.

— Мы бы пришли, если бы знали, что это вы. Мы не знали, что это вы. Мы не знали, что вы — тот, кто нам нужен. Полковник знал. И ждал. Тридцать лет. Он ждал вас. А вы в это время стучались не туда.

Он смотрел на Орлова. Долго.

Потом сказал тихо:

— Значит, я зря.

— Нет.

— Значит, я тридцать лет зря.

— Нет.

— Как — нет?

— Затем, — сказал Орлов, — что тридцать лет — это не зря. Тридцать лет — это путь. Вы прошли тридцать лет, чтобы стать тем, кто сдвигает. Не каждый умеет. Тридцать лет — это навык. А навык — это инструмент. Вы инструмент сделали себе. За тридцать лет. И теперь его можно применять иначе. Не на сдвигах. На возвратах. У вас есть метод — прямой, хороший, точный. Метод, за который отдел номер семь заплатит вам зарплату.

Веретенников молчал.

Долго.

Потом сказал:

— Вы предлагаете мне работу.

— Да, — сказал Орлов.

Веретенников посмотрел на Синичкину.

Синичкина сидела молча. Она держала чашку двумя руками. Она ничего не писала. Она ничего не говорила.

Она сказала только одно:

— Аркадий Ильич. Мы не берём вас потому, что нам вас жаль. Мы берём вас потому, что вы правы. Тридцать лет вас никто не слушал. Я вас слышу. Прямо сейчас.

Он смотрел на неё. Потом — опустил глаза. Долго не поднимал.

Сказал очень тихо:

— Я знал, что когда-нибудь кто-то поймёт. Я не думал, что этим кем-то будете вы.

Он потянулся к папке и открыл её. Не перелистывал листы, просто положил руку на верхний и сказал:

— Хорошо.

Орлов кивнул.

Синичкина поставила чашку.

Глава 5. Сдача

Его не брали под руки. Его не вели в наручниках. Он сам собрался. Положил в портфель три папки. Закрыв тетрадь. Снял пальто — и повесил в шкаф. Взял с полки книгу — тоненькую, в тёмном переплёте. Положил в портфель. И сказал:

— Идём.

Они вышли.

Дождь шёл. У подъезда ждала машина — с шашечкой. Рядом — вторая, без шашечек. За рулём второй сидел Громобоев. Полковник был в форме. Форма тесна в плечах. Ёжик седой. Влажный лоб. Лицо красноватое.

Он вышел из машины и посмотрел на Веретенникова.

Веретенников посмотрел на Громобоева. Оба молчали.

Потом Громобоев сказал:

— Семьдесят второй год. Ты писал рапорт про объездную.

Веретенников сказал:

— Я тогда был на практике. Я его переписал вчистую. Пять раз. Никто не взял.

— Я взял, — сказал Громобоев.

— Ты?

— Я был тогда капитаном. Я работал в отделе по надзору. Я взял твой рапорт. Я его прочитал. Я его спрятал. Он лежит у меня дома. В коробке. До сих пор.

Веретенников молчал.

Потом сказал:

— Зачем спрятал?

— Затем, — сказал Громобоев, — что своего отдела тогда не было. Отдел номер семь создали через двенадцать лет. Твой рапорт — первый, который я сохранил. Я сохранил. Я не рвал. Я ждал.

Веретенников очень долго смотрел на Громобоева.

— Я не знал.

— Никто не знал, — сказал Громобоев. — Так надо.

Он открыл заднюю дверь.

— Садись.

Веретенников сел.

Орлов сел в первую машину. Синичкина — тоже. Муромцев был за рулём. Дроздов уже успел открыть окно и снять видео — как всегда.

Никто ему этого не сказал. Он выключил сам.

Ехали в отдел молча.

В отделе к их приезду все были на месте.

Муромцев за рулём, но уже вышел. Дроздов у входа. Кулибин у стола — отложил прибор. Дракон в кресле. Штопор — сбоку. Аким — пришёл с отцом, сидел на подоконнике, читал вслух какую-то книгу. Никита Прокопьевич приехал из типографии. Даже Вероника Львовна пришла. И Тамара Феликсовна из парикмахерской. И Кириллов. И Валентина Сергеевна из пункта донорства. И Антон — племянник Марьяны Игнатьевны.

Двенадцать свидетелей. Все — здесь. По одному от каждого дела сезона.

Они пришли сами. Никто их не звал. Они просто знали.

Громобоев стоял в дверях. Форма тесна в плечах. Влажный лоб. Лицо красноватое. Он ничего не говорил. Все молчали.

Тимофей сидел на подоконнике. Рядом — горшки. Герань. Дубок. Клён. Слянка. Банка с галькой. Росток в terracotta горшке. Росток в жестяной банке. Маленькое зеркальце из дела 11.

Он смотрел на папку в руке Громобоева. Тонкую. Потрёпанную. С тесёмками. Он смотрел на неё очень долго. Потом повернул голову к Веретенникову. Потом — снова к папке. И — мякнул. Один раз.

Один короткий, ясный, спокойный звук. Так коты говорят не «дай есть». Так они говорят «я понял».

Все обернулись к коту.

Кот больше ничего не сказал. Он отвернулся. Он положил голову на лапы. Он закрыл глаза.

Никто не понял, кроме Громобоева. Полковник медленно — так медленно, что почти незаметно — опустил уголок рта. Это была его улыбка. Его одна улыбка в тридцать лет.

Веретенников посмотрел на папку. Потом на полковника. Потом на кота. Потом — не выдержал — на Орлова.

Орлов кивнул ему. Веретенников — молча — кивнул в ответ.

Он не отвёл глаз.

ЭПИЛОГ. Двенадцатый свидетель

Через неделю в отделе номер семь появилась ещё одна папка.

На ней была подпись: «Дело 12. Двенадцать свидетелей. Веретенников А. И.». Папка лежала ровно в середине полки. Не в конце. В середине — как лежат между своими.

В отделе произошло несколько маленьких перемен.

Первая. В штате отдела появилась новая должность — консультант по несоответствиям. Аркадий Ильич Веретенников был на неё принят на полставки. Он выходил три раза в неделю. Он больше не сдвигал. Он работал. Он приходил в семь утра, садился за третий стол, раскладывал бумаги и писал длинные листы. Это были не рапорты. Это были справки. Полковник читал их лично. Один раз в неделю. В пятницу.

Вторая. Аптека Марьяны Игнатьевны вернула порядок на полках. Сама. Утром — все банки стояли как были. Марьяна Игнатьевна не позвонила. Она просто сказала спасибо через дракона.

Третья. Лист в нотариате дракона — лист завещания Лебедева — восстановился. Не физически. Юридически. Дракон сам подписал дубликат. В тот же день. Он позвонил Лебедеву. Лебедев — девяносто один год — сказал: «Спасибо, Аристарх. Я знаю, что ты честный». Дракон спросил: «Откуда вы знаете». Лебедев сказал: «Мне сказали». «Кто?» — «Не помню. Кто-то в белом. Очень вежливый».

Четвёртая. Карта двадцать три в пункте донорства снова заполнилась. Валентина Сергеевна открыла её утром и увидела всё. Прежние записи. Прежние фамилии. Прежние даты. Даже та фамилия. Та, которую она думала, что потеряла.

Пятая. Зеркало у входа показало вампира. Виталий Генрихович встал перед ним в шесть утра, посмотрел и сказал: «Ну вот. Порядок». И пошёл пить чай.

Шестая. Апрель вернулся в лесхоз. Дубровин-старший открыл папку и увидел тот самый апрель. Подписи. Числа. Всё. Он не сказал ничего. Он просто поставил папку на место.

Седьмая. В отделе добавился новый горшок. На подоконнике. Маленький. В жестяной банке. С растением, которого никто не узнавал. Кулибин посмотрел — сказал: «не знаю, что это». Орлов сказал: «Оставьте». Оставили.

Восьмая. Тимофей мяукнул ещё один раз. Через три дня после финала. Утром. В пустом кабинете. Орлов вошёл и увидел: кот сидел на подоконнике рядом с маленьким зеркальцем из дела 11, смотрел в него и — мяукнул. Один раз. Потом отвернулся. Больше за сезон он не мяукал.

Девятая. В отделе номер семь на полке, рядом с папками дел сезона, лежала та самая папка Громобоева. Полковник поставил её туда сам. Он не положил её в свой шкаф. Он положил её в общий.

Это была девятая перемена. Она была самая главная.

А в девятую перемену вошло одно великое дело.

Орлов ничего не сказал. Он просто посмотрел на папку. Папка лежала рядом с остальными. Он подумал: «следующий сезон», но не сказал этого вслух. Он вообще редко говорил вслух то, что думал. Но Тимофей — кот — в этот самый момент посмотрел на Орлова и — почти незаметно — кивнул.

Или показалось.

Или не показалось.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.